

Юрий
Буйда

Юрий
Буйда

Пятое царство

Роман

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление переплета и макет — *Владимир Мачинский*

Печатается по соглашению
с международным литературным агентством ELKOST

Буйда, Юрий Васильевич.

Б90 Пятое царство : роман / Юрий Буйда. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. —
349, [3] с. — (Новая русская классика.)

ISBN 978-5-17-107785-3

Юрий Буйда — прозаик, автор романов «Вор, шпион и убийца» (премия «Большая книга»), «Синяя кровь», «Ермо», «Прусская невеста» (шорт-лист премии «Русский Букер») и др. Его книги выходят во Франции, Великобритании, Эстонии, Польше, Венгрии, Словакии, Норвегии и других странах.

«Пятое царство» — захватывающая, душеполезная, поучительная и забавная история в двенадцати главах — по числу врат Града Небесного, — в которой участвуют тайные агенты Кремля, шотландские гвардейцы, ожившие мертвецы, иностранные шпионы, прекрасные женщины, наемные убийцы, алхимики, вольнодумцы, цари, монахи, вампиры, бояре, бастарды, воздухоплаватели, пьяные ведьмы, а также одна мраморная Венера и одно великое дерево.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107785-3

© Юрий Буйда
© ООО «Издательство АСТ»

ПЯТОЕ ЦАРСТВО

*Захватывающая, душеполезная, поучительная
и забавная история в двенадцати главах —
по числу врат Града Небесного — о борьбе добра
со злом, о любви и ненависти, о магии
и астрологии, о желтой крови, загадочных
монетах и мертвой царевне, в которой
участвуют тайные агенты Кремля,
шотландские гвардейцы, призраки, ожившие
мертвецы, иностранные шпионы, алхимики,
прекрасные женщины, чудовища, гомункулы,
вольнодумцы, цари, монахи, вампиры, наемные
убийцы, бояре, бастарды, воздухоплаватели,
пьяные ведьмы, а также одна мраморная Венера,
одна голая свинья в юбочке и одно великое дерево*

ПРОЛОГ О МЛАДЕНЦЕ, ПАЛАЧЕ И СЛОНЕ

Ребенка повесили в понедельник, палача — в четверг, а слона казнили в субботу.

Была метель, начинало темнеть, и, когда слон появился из Серпуховских ворот, зрители не сразу поняли, что это за чудовище движется к ним, огромное и темное, в окружении всадников с факелами и пеших солдат с копьями и алебардами. Когда слон приблизился, стало видно, что спина и уши его облеплены снегом, в складках под глазами замерзли слёзы, а левый бивень сломан. Его хобот покорно лежал на плече араба, который вел зверя к загону, выстроенному посреди пустыря, неподалеку от кладбища, где хоронили безымянных пьяниц.

Артиллеристы зажгли фитили и опустили на колено у пушек, выставленных на тот случай, если зверь вздумает напасть на людей, сгрудившихся у загона. Но слон проследовал в загон спокойно, не глядя по сторонам, и замер, уткнувшись в стену.

— Элефант, — пробормотал кто-то из голландских купцов.

Когда-то его кормили рисом, медом и печеным хлебом, и каждый день давали ему ведро водки. Когда-то его каждый день скребли и мыли, чтобы слоновья кожа оставалась белоснежной. Вечерами араб услаждал слух элѳанта игрой на свирели, а летом выводил его к реке на прогулку. Слон плыл сквозь толпу, мальчишки свистели, старухи крестились, юродивые завывали, показывали кукиш и корчились в пыли, а элѳант величественно шествовал, положив хобот на плечо араба и помаргивая детскими глазами, и всем хотелось, чтобы он встал на задние ноги, поднял хобот к небесам и вострубил, вострубил, и стало бы страшно и сладко...

Но слон не обращал внимания на москвичей, на их крики и ужимки. И лишь иногда он вдруг придерживал шаг и наваливал кучу, вокруг которой тотчас собирались торговцы, колдуны и бродячие монахи. Одни утверждали, что дерьмо элѳанта по своим целебным свойствам не уступает навозу единорога, тогда как другие выше всего ставили помет Левиафана, зверя из бездны. Ржали лошади, ревели верблюды, скоморохи били в бубны, цирюльники люто щелкали ножницами, у Свибловой башни вороны наперебой клевали трупы разбойников, а слон величественно шествовал дальше, невозмутимый, белоснежный, несравненный, как Бог или царь...

Слонов было два, черный и белый. Их подарил Ивану Грозному персидский шах Тахмасп. Но чер-

ный слон отказался преклонять колени перед московским государем, и был за это изрублен в лохмотья мясницким топором — это сделал немец-опричник Штаден. Белый же оказался послушнее — и остался в живых. Он пережил грозного царя, его сына Федора, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского — великие бунты и великие пожары, заговоры и смерти — и дотянул до царствования Михаила, первого государя из рода Романовых. Теперь он был стар, болен и тощ, и смерть была бы для него милосердным избавлением от страданий.

Люди забыли о белом слоне, хотя всего восемь лет назад он был героем и любимцем толпы. Мало кто помнил день его славы.

А слава его случилась весной, 3 мая 1606 года, когда в Москву въехала Марина Мнишек, невеста царя и самодержца всея Руси Дмитрия, императора и самозванца.

Третий Рим встретил ее звоном тысячи колоколов, пушечными залпами, грохотом барабанов, ревом труб и лязганьем литавр... карета с золочеными колесами... князя, бояре, ханы, мурзы, патриарх со свитой, дворяне и монахи, купцы и воры... французские копейщики в бархатных плащах с золотыми позументами, шотландские алебардчики в фиолетовых кафтанях, немецкие артиллеристы в зеленом и красном, польские гусары в сверкающей стали, русские стрельцы в лазоревом, алом и травчатом, казаки и гайдуки, татары и кабардинцы... знамена и хоругви... мушкеты и пики... соболя, сукна, шелк, рогожа, сурьма и румя-

на, серебряные гербы и медные серьги... тысячи голубей в небе, львы и тигры, ревущие во впадинах...

Праздничное возбуждение достигло высшей точки, когда процессия миновала Никитские ворота и приблизилась к Львиному мосту... люди уже начинали задыхаться... некоторые не могли сдержать слез... молодая женщина в ярко-желтом платке упала в обморок, и ее вынесли на руках из толпы... напряжение усиливалось, нарастало, становилось невыносимым, и если бы вдруг разразилась гроза, никто не удивился бы... гром, молния, ливень, крики ужаса и радости... но вместо этого налетел ветер... вихрь... он взметнул пыль и сор, ударил в лица, понес песок и пыль вдоль улицы... стало темно... мрак проник в сердца людей, вдруг вспомнивших о том, что точно такой же вихрь пал на Москву, когда в прошлом году в город вступил Дмитрий Самозванец... это был talum omen, дурной знак...

И вдруг, так же внезапно как налетел, ветер стих, наступила тишина, и посреди опустевшей улицы возник белоснежный слон... люди не верили своим глазам... это было как во сне... элевант как будто выпал из вихря... он поднялся на задних ногах, вскинул хобот и вострубил, вострубил, и этот звук показался людям гласом Божиим, голосом, призывавшим к радости и любви... а потом слон грациозно опустился на колени и поднес Марине Мнишек кубок с вином, держа его хоботом как рукой...

Маленькая, безгрудая, с хищным и черствым лисьим лицом, тонкогубая и мелкозубая, с голубо-

ватой детской шеей, едва выдерживающей тяжесть высокой прически из конского волоса, закованная в стальной испанский корсет, испуганная, растерянная и злая, Марина с ужасом смотрела на белоснежного зверя, стоявшего на коленях и взиравшего на нее детскими глазами.

А рядом с нею замер царь Дмитрий — низкорослый, широкоплечий, безбородый и безусый, с двумя чудовищными бородавками на лице, с маленькими глазами, без шеи, с руками как медвежьи лапы.

Все ждали.

Пауза затягивалась.

И вдруг Дмитрий встряхнулся, с облегчением выдохнул, взял у эфанта кубок и воскликнул высоким срывающимся голосом:

— Слава! Слава!

Внезапно ударила пушка, другая, закричали рожки, прорезалась флейта, зарокотали турецкие барабаны... и тут вдруг слон пустился в пляс... он вскидывал хобот, сворачивал его кольцом и фыркал... он вставал на задние ноги и трубил... он переминался с ноги на ногу и широко разевал свою поросячью пасть, словно улыбаясь... снова поднимался на задние ноги и кружился, кружился... люди очнулись, перевели дух, зашевелились, загомонили...

— Слава! — снова крикнул Дмитрий.

— Слава! — откликнулся кто-то из стрельцов.

— Слава! — радостно закричала толпа. — Слава!

И снова запылала небесная синь, и снова залились малиновым звоном колокола, и снова Марина

была первой красавицей на свете, румяной и пышной, как само счастье, а Дмитрий — великаном, красавцем, могучим государем, рыцарем, владыкой и повелителем языков и сердец...

Подбежавший араб что-то крикнул, слон взмахнул ушами и направился к Львиному мосту, и за ним под звуки колоколов и варварской музыки двинулись кареты, конница, пехота, потянулся народ...

Тем вечером люди чествовали слона.

Они поили его медом и водкой, кричали: «Слава!», и белоснежный элефант вставал на задние ноги и радостно трубил, и все его любили...

Это случилось восемь лет назад. Через пять дней, 8 мая 1606 года, Дмитрий и Марина обвенчались. Спустя еще девять дней Самозванца убили и выстрелили его прахом из пушки, щуплая же Марина чудом спаслась, спрятавшись под широкой юбкой своей фрейлины.

А хмельной слон той ночью крепко спал в царской конюшне.

Он знал, что утром его будет ждать сытный завтрак — корзина калачей, рис, патока и водка. После этого араб отведет его к реке, чтобы элефант мог искупаться.

Слон улыбался во сне.

Он не слышал ни набата, ни криков, ни выстрелов, и не видел, как заговорщики убили Дмитрия, а потом выволокли его нагое тело на площадь и оставили на поругание толпы.

Близился рассвет.

Элефант спал.

Утром араб не нашел ни свежих калачей, ни риса, ни водки. Слону пришлось довольствоваться овсом и зелеными березовыми ветками. А через неделю прожорливого гиганта выгнали из царских конюшен, и начались его скитания по России, охваченной войной.

Восемь лет лишений и страданий превратили белоснежного красавца в тощего горбатого уroda, побирающегося у церквей и богатых домов. Араб был счастлив, когда удавалось раздобыть немного репы или брюквы для элeфанта. Зимой они воровали солону с крыш, а летом питались лесными орехами. Несколько месяцев слону пришлось таскать осадные пушки, а однажды он принял участие в кавалерийской атаке. Шведские пули, польская шрапнель, русские копья и казацкие сабли оставили следы на его шкуре. Несколько раз его пытались съесть. Он потерял бивень и оброс серым грубым волосом. Его мучила одышка, а зимой донимал кашель.

Наверное, он так и умер бы где-нибудь под забором... снег, черные будылья бурьяна, вороны... и весной кто-нибудь обнаружил бы кучу огромных костей, череп со сломанным бивнем, обрывки грязной шкуры... все к тому и шло... но он дотянул до лета 1614 года, и судьба его неожиданно оказалась вновь связана с большой политикой...

Летом 1614 года правительственные войска захватили в плен Марину Мнишек, ее сына Ивана и ее лю-

бовника атамана Заруцкого. Их имена были символами Смуты, этого ядовитого облака, которое все еще висело над Россией, сулило новые бунты, новые страдания. Память и мысли русских людей были захвачены жуткими видениями, мрачными пророчествами. Имена Марины, Заруцкого и маленького Ивана, которого называли Воренком, были адским паролем, разбойничьим кличем, заклинанием, зовущим демонов смерти...

Марина Мнишек была венчана на царство, поэтому казнить ее, во всяком случае публично, было невозможно, а вот ее любовник и сын были обречены.

Атамана Заруцкого посадили на кол в конце июля 1614 года, вскоре после того, как его в цепях доставили в Москву.

Спустя два с половиной месяца, 13 октября 1614 года, в понедельник, на пустыре за Серпуховской заставой был казнен Воренок, Маринкин сын, мальчик, не достигший четырех лет.

Вот как описывает эту казнь Элиас Геркман, голландский купец и поэт, опиравшийся на свидетельства очевидцев:

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытою головою [на место казни]. Так как в это время была метель и снег бил мальчику по лицу, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: “Куда вы несете меня?” Эти слова напоминают слова, которые поэт Эврипид заставляет произнести своего Астианак-

са: “Мать, сжался надо мною!” Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его (как овечку на заклание) на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то эту веревкою по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице. В этом случае действия русских можно всего лучше сравнить с действиями греческого флота после падения Трои, ибо то зло, которое греки терпели от сына Гектора, русские терпели от сына Дмитрия, опасаясь, чтобы он не достиг зрелых лет. Доказательством этого могут служить стихи Эврипида, которые произносит Улисс по поводу тоски Андромахи, при похищении ребенка Астианакса:

*Во мне возбуждает тоску страдание матери,
но еще более во мне возбуждают тоску страдания
матерей гречанок, на несчастье которых он бы вырос».*

Однако все было не совсем так, как пишет Элиас Геркман.

Князь Репнин, который по долгу службы присутствовал на казни, рассказывал, что все произошло быстро, и народ на площади безмолвствовал: «Воренок заслуживал *сострадания*, но не *снисхождения*».